

«Защитные цвета» Кшиштофа Занусси: и моральное, и социальное
беспокойство

Где бунтующая справедливость сталкивается с закостенелым конформизмом, а приспособленчество на поверку оказывается вовсе не способом жить как у Христа за пазухой, а сделкой с дьяволом? Летний студенческий лагерь – идеальное место для препарирования механизма власти: злоупотребление и оппортунизм, как инструмент выживания, идеализм и чувствительность ко лжи, как способ надломить прожжённую систему. В лагере молодые лингвисты и научные сотрудники друг у друга на расстоянии вытянутой руки, крушение иллюзий здесь безжалостно дышит в затылок борьбе за справедливость.

Доцент Якуб Шелестовски, сыгранный выдающимся польским актером Збигневым Запасевичем, хладнокровно перешагивает конфликты и договаривается со студентами, избегая любого движения навстречу. Хотите учиться дальше – не преграждайте путь преподавателю своим праведным бунтом. Намерены избрать делегацию для переговоров – выберите тех, кого он назначил. Юность любит максимализм, но вынуждена идти на компромиссы.

Проводником между мирами становится молодой аспирант Ярек Крушинский (Петр Гарлицкий). Он допускает на конкурс присланную позже назначенного срока работу из Торуня (город, с исследовательским центром которого проректор ведет междоусобную войну), строит романтические отношения с английской стипендианткой Нелли (Кристин Пол-Подласки) и дипломатично разбирается в устройстве мира, спрессованного Занусси до академической среды. Ярек – связующее звено и вершина крушения идеалов. Быть одновременно отважным и осторожным, благоразумным и бескомпромиссным – задача вряд ли кому-то подвластная.

Движущая сила сюжета – череда диалогов, сквозной линией проходящая через всю картину. Занусси сталкивает два противоборствующих поколения и в то же время две стороны одной медали. Сколько нужно времени, чтобы сложить

крылья? А сколько, чтобы обрубить их ближнему? Якуб методично убеждает оппонента научиться трансформировать совесть, чтобы выжить. И сколько бы молодой аспирант не боролся – доцент практически всегда оказывается прав. Стихийный протест во имя справедливости расступается перед угрозой отчисления, коллективная чистка бассейна перед приездом руководства в предпоследний день лагеря вызывает у студентов вопросы, но не встречает сопротивления, а проректор без зазрения совести пользуется регалиями, полученными за докторскую диссертацию, когда-то написанную для него Якубом. Реальный порядок вещей всё чаще рискует стать разочаровывающим. Единственным бунтующим не на словах оказывается пьяный студент, укусивший проректора за ухо на вручении наград (участие в конкурсе именно его опоздавшей работы одобрил Ярек), но и его беглая анархия скорее бессмысленна и довольно быстро прерывается выселением из лагеря.

Для жизни Якуб разработал систему защитных цветов и держится за мысль о её вынужденном принятии, как за спасительную соломинку, не дающую захлебнуться в понимании собственного приспособленчества. Его стремление разрушить идеализм Ярека порою походит на отчаянные попытки вызвать рьяное сопротивление теории неизбежного конформизма и выработать у аспиранта стойкий иммунитет к внушению подобных убеждений, а иногда все же напоминает циничное развлечение. Ловко сравнивая животный мир и социум, доцент выделяет выработанной человеком системе ценностей срок равный её пригодности для выживания. В конце концов накопленный Яреком заряд отчаянно вырывается наружу.

Якуб: Однако, и в тебе в конце концов проснулся зверь.

Ярек: Если бы проснулся, ты бы уже не жил.

Якуб: Кто знает, может, для меня это было бы лучше.

Соломинка оказывается гнилой, а мимикрия истощающей. Упорно вариться в собственноручно нагретом котле – занятие для людей с полностью атрофированными рецепторами.

В начале 70-х в Польше запустилось «Кино морального беспокойства». Кинематограф «Кино морального беспокойства». Кинематографисты отошли от переосмысления исторических событий и обратились к современности, собирая модель польского общества из портретов «маленького человека». Беспокойство «Защитных цветов» и моральное, и социальное. Юность продолжает отважно бороться с приспособленчеством, зрелость, обливаясь горькими слезами безвыходности, – срастаться с камуфляжем дьявольского цвета. Занусси с присущей ему недосказанностью бьет и по тем, и по другим. Он не ставит диагнозов. За едкой иронией над устройством общества режиссер прячет вполне философское размышление о конфликте идей, оставляя зрителю широкое поле для рассуждений.